

ASYA LIN

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МОЙ СВЕТ

СПАСЕНИЕ ПРОШЛОГО

Asya Lin

Мой свет. Спасение прошлого

Серия «Тени прошлого», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73483863

SelfPub; 2026

Аннотация

Прошлое преследует меня, напоминая об утраченной любви. Я пытаюсь забыться в жестоком мире криминала, но безуспешно. Воспоминания об Элли, её красоте и нежности, превращаются в навязчивые видения.

Кажется, я сошел с ума, не в силах смириться с утратой. Ведь я вижу её перед собой сейчас, здесь, перед её могилой.

Продолжение книги «Мой свет».

Иллюстрации выполнены с помощью нейросети: GPT5Tbot.

Asya Lin

Мой свет. Спасение прошлого

От автора.

В этой книге вы увидите, как поменяла любовь главного героя. Для многих он станет ред флагом, кто-то скажет, что я испортила героя, но именно такой он, искаженный, сломленный, но отчаянно стремящийся к свету. Его прошлое оставило шрамы, невидимые для посторонних глаз, но глубоко въевшиеся в душу. Он научился выживать, закрываясь от мира, возводя вокруг себя неприступные стены. Любовь же стала тем самым молотом, который начал эти стены разрушать, обнажая уязвимого человека, скрывающегося за маской цинизма и равнодушия.

Именно эта любовь, рожденная из хаоса и боли, изменила его. Она не сделала его идеальным, но сделала его живым. Он научился доверять, научился прощать – и, что самое важное, научился прощать себя. Его прежняя оболочка треснула, и сквозь нее пробился свет. Этот свет не всегда был ярким, но он был настоящим. Он стал тем, кто он есть – искаженным, но любящим, сломленным, но стремящимся к свету, человеком, чья история – это свидетельство невероятной силы и преображающей мощи истинной любви.

Арсений Белов всё ещё тот, чья любовь не знает границ,
не подчиняется времени и расстоянию

ПЛЕЙЛИСТ.

OAKLAND – Люби.

Дусе – Race.

Lely45 – Разгоняю Тьму.

Юрий Киселёв, МОТ, Мари Краймбрери – На моральных.

МОТ – Мурашками.

Сергей Лазарев – Сдавайся.

seen twice, Lestmor – VIOLENCE.

ORXAN – Завяжу.

Keendy – И пускай.

L'One feat. Фидель – Океан.

Берегом (Saint Rider Remix) – ЯАВЪ.

Migrant, Ragda – Останови меня.

Джарахов – Ты так красива.

Platonov, Ixlondon – BOZHE.

7 Станций – Найди меня.

Сергей Лазарев – В Самое Сердце.

WHITE GALLOWS feat. Ева Барац – Море Обнимет.

Ваня Дмитриенко – Шёлк.

Ваня Дмитриенко – Настоящая.

6YNTHMANE, LXGHTXNG – FINA LANA (SPED UP).

itgmq Brazil, ANENILIN – Я хочу к тебе.

TRITIA – Рикошет.

LOOKBUFFALO – Твое тело.

rubchanskii – Украду твою душу.

BYNTHMANE, LXGHTXNG – MANDA LINA (SPED

UP).

Олег Майами, Леша Свик – Губы.

XOLIDAYBOY – Я НЕ БУДУ ТВОИМ ДРУГОМ.

Мари Краймбрери – Ты так и знал.

Егор Крид, Мона – На кольцевой.

ПРОЛОГ.

Комната плясала перед глазами, облицованная кафелем, как морг. Мерзкий, больничный свет бил прямо в лицо. Я моргала, пытаюсь сфокусироваться на его лице, на каждой знакомой морщинке у глаз, на линии губ, которые еще недавно шептали мне слова любви. Теперь они безмолвно просили об одном – покончить с этим.

Руки тряслись так, что ствол пистолета описывал в воздухе немислимые фигуры. Голоса вокруг сливались в неразборчивый гул, давили, подгоняли. Я чувствовала их взгляды – злые, торжествующие, полные презрения. Им было плевать на нас. Мы для них – лишь пешки в их грязной игре.

Холод металла кольцом сжал мой палец. Курок. Он казался неподъемным, чужим, будто прирос к моей коже. Арсений. Его глаза, полные боли и... прощения? Неужели он понимает?

– Стреляй, Элли! – раскатистый бас Кирилла Волкова эхом пронесся по комнате, словно удар грома, заставляя воздух дрожать.

Этот голос – клеймо на моей душе. Этот человек отобрал у меня все, растоптал мои мечты и теперь заставляет отнять жизнь у самого дорогого мне человека. Ярость вскипела внутри, но я знала, что она бесполезна. Она лишь добавит страданий Арсению.

Я сглотнула ком в горле, пытаясь унять дрожь в руках. Пистолет все так же плясал в моей ладони, отражая в своем черном глянце мерзкий, триумфальный блеск глаз Волкова. Он наслаждался нашей агонией, купался в ней.

Соберись, Элли, – мысленно приказала я себе. Арсений ждет. Он достоин избавления от этой пытки, от этого унижения. Он заслуживает покоя. И я должна дать ему это.

Я перевела взгляд на его лицо. Его глаза были закрыты, но я чувствовала его присутствие, его любовь, его прощение. В голове промелькнули обрывки воспоминаний – наш первый поцелуй под дождем, прогулки по ночному городу, его тихий шепот:

«Я всегда буду рядом».

Слезы хлынули из глаз, но я не позволила им остановить меня. Я взяла себя в руки, сосредоточилась на одной мысли: избавить его от страданий. Палец снова коснулся курка. На этот раз – твердо и решительно.

Выстрел.

Тишина, нависшая после выстрела, была оглушительной. Словно мир замер, затаив дыхание. Я не видела ничего, кроме расплывающегося пятна на кафельном полу. Пистолет выпал из моей ослабевшей руки, звякнув о плитку. Ноги подкосились, и я рухнула на колени, не в силах отвести взгляд от этого кошмара, созданного моими же руками.

Голоса вокруг вернулись, но теперь они казались далекими, приглушенными. Я слышала ликующие возгласы, злорадные смешки, но они не достигали моего сознания. Я была в коконе боли и отчаяния, в центре личной трагедии, которую не сможет искупить ничто.

Вдруг кто-то грубо схватил меня за плечи, тряся и пытаясь привести в чувство. Это был Волков. Его лицо исказила гримаса торжества, но в глазах плескалось что-то еще – злобное удовлетворение. Он выкрикивал что-то, но я не понимала ни слова. Все звуки слились в один непрекращающийся вопль, разрывающий мою душу на части.

Я оттолкнула его, вырвалась из его хватки и поползла к Арсению. Его лицо было спокойным, умиротворенным. Словно он просто уснул. Я коснулась его щеки, холодной и безжизненной.

«Я всегда буду рядом», – пронеслось в моей голове.

Слезы снова хлынули из глаз, обжигая кожу. Я нарушила свое обещание. Я предала его.

ГЛАВА 1.

АРСЕНИЙ.

Три года спустя.

Три года... Три года прошло с тех пор, как я убил Волкова голыми руками. Его предсмертный хрип до сих пор звенит в ушах. Справедливо? Да. Облегчило ли это мою боль? Ни на грамм.

После Элли мир словно выцвел. Осталась только работа. Бизнес разросся, влияние укрепилось. Я – глава семьи, Арсений Белов, человек, чье имя внушает страх. Деньги текут рекой, власть опьяняет, но ничто не заполняет пустоту внутри.

Каждый вечер я возвращаюсь в пустой особняк. Шикарные интерьеры, дорогая мебель, предметы искусства... Все это – ничто без нее. Иногда я представляю, как она ходит по этим комнатам, смеется, спорит со мной. Но это лишь иллюзия.

Я стал жестче, циничнее. Никому не доверяю. Окружающие видят во мне лишь деньги и власть, но никто не видит сломленного человека, потерявшего все, что ему дорого.

Иногда мне кажется, что я живу чужой жизнью. Жизнь, в которой нет места любви и счастью. Но я должен быть сильным. Ради семьи, ради бизнеса, ради памяти об Элли. Я буду продолжать идти вперед, даже если путь этот ведет в никуда.

Ночами мучают кошмары. Я вижу ее лицо, полное ужаса и боли. Просыпаюсь в холодном поту, хватаясь за воздух. Вина – мой вечный спутник. Я знаю, что никогда не смогу искупить свою вину перед ней.

Однажды я стоял у окна, смотрел на город, раскинувшийся внизу. Миллионы огней, миллионы жизней. И среди всего этого – я, один в своей башне из слоновой кости. В тот момент я почувствовал себя самым одиноким человеком на свете. В голове промелькнула мысль:

«А что, если все это закончить?»

Но я тут же отбросил ее. Я не имею права. У меня есть обязательства.

В последнее время я стал замечать за собой странную вещь. Я ищу ее черты в других женщинах. В их голосах, в их манерах, в их взглядах. Тщетно. Никто не сможет заменить Элли. Она была уникальной.

Дни тянутся бесконечно. Работа – единственное, что хоть как-то отвлекает от гнетущих мыслей. Я погружаюсь в нее с головой, требую от подчиненных невозможного, выжимаю из себя последние соки. Может быть, это мазохизм, может быть, попытка доказать самому себе, что я еще на что-то способен. Но даже самые сложные сделки, самые прибыльные контракты не приносят удовлетворения. Внутри – пустота, зияющая рана, которую ничем не залечить.

Иногда я ловлю себя на том, что говорю с ней. Вслух, в пустой квартире. Рассказываю о своих делах, о проблемах, о том, как сильно мне ее не хватает. Кажется, она слушает, с легкой грустью в уголках губ, как бы говоря:

«Я знаю, Арсений. Я всегда знала».

И тогда на секунду мне становится легче. До следующего

кошмара.

– Арсений? – Голос Мии вырвал меня из пучины воспоминаний.

Мия... Заперта в клетке по приказу Матвея, после того, что узнал о сыне. Это была неожиданная новость для всех.

Я обернулся. Мия стояла в дверях моего кабинета, хрупкая и потерянная. В ее глазах плескался страх, но я видел и что-то еще – надежду. Я приказал охране оставить нас одних.

– Что тебе нужно? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

– Я знаю, что ты чувствуешь, Арсений, – тихо ответила она. – Потерю. Боль. Вину.

Я усмехнулся.

– Ты ничего не знаешь.

– Знаю, – настаивала она. – Я видела это в твоих глазах. Ты живешь прошлым, Арсений. Но прошлое не вернуть.

Ее слова задели меня за живое. Я резко встал из-за стола и подошел к окну. Город, как и прежде, сиял огнями, но теперь я смотрел на него другими глазами. Глазами человека, которому напомнили о жизни, о настоящем.

– У тебя есть сын, Мия, – сказал я, не оборачиваясь. – Тебе есть ради кого жить. У меня же... у меня ничего не осталось.

– Осталось, Арсений, – ответила она. – Ты сам. И возможность начать все сначала.

Я молчал, не зная, что ответить. Её слова звучали как при-

говор, как обещание, как шанс. Начать все сначала? После всего, что я сделал, после всего, что потерял? Возможно ли это вообще? Я привык к своей боли, к своей вине. Они стали частью меня, моей броней, защищающей от новых ран.

– Ты не понимаешь, – проговорил я, наконец, поворачиваясь к ней. – Я сломлен. Я больше не тот человек, которым был раньше.

Мия подошла ближе и положила свою ладонь на мою руку. Её прикосновение было неожиданным, но не отталкивающим. В нём чувствовалась теплота, сочувствие, желание помочь.

– Ты не сломлен, Арсений, – сказала она, глядя мне прямо в глаза. – Ты просто ранен. Но раны заживают. Шрамы остаются, да, но они напоминают нам о том, что мы пережили, о том, как мы выстояли.

Я смотрел на неё и видел отражение своей боли в её глазах. Она понимала меня, она чувствовала мою боль, потому что сама прошла через многое. И в этот момент я поверил ей. Поверил, что, возможно, еще не все потеряно. Поверил, что, может быть, у меня действительно есть шанс начать все сначала.

– Спасибо, Мия, – прошептал я, чувствуя, как комок подступает к горлу. – Спасибо, что напомнила мне о жизни.

Её слова были как спасательный круг, брошенный в бушующее море отчаяния. Я цеплялся за него, боясь отпустить, боясь вновь погрузиться в пучину самобичевания. Но

её взгляд, полный искренности и надежды, не давал мне утунуть. Он тянул меня вверх, к свету, к возможности дышать полной грудью.

Я почувствовал, как её рука сжимает мою чуть крепче. Этот маленький жест был наполнен такой силой, такой уверенностью, что я невольно улыбнулся. Улыбка получилась слабой, неуверенной, но это была улыбка. И это было началом.

– Я постараюсь, Мия, – сказал я, глядя ей в глаза. – Я постараюсь стать лучше. Для себя.

Мия слабо улыбнулась в ответ. В её глазах я увидел не жалость, а поддержку. И это дало мне сил. Я отпустил ее руку, но тепло ее прикосновения еще долго ощущалось на моей коже.

– Тебе нужно отдохнуть, Арсений, – сказала она. – Ты много работаешь.

Я кивнул. Она права. Работа стала моим наркотиком, способом убежать от реальности. Но теперь я понимал, что бегство не выход. Нужно смотреть в лицо своим страхам, своим демонам.

– Я подумаю об этом, – ответил я. – А сейчас... иди к сыну, Мия. Ему нужна твоя забота.

Она еще раз благодарно посмотрела на меня и вышла из кабинета. Я остался один, в тишине, нарушаемой лишь тихим гулом города за окном. Но теперь эта тишина не казалась такой гнетущей. В ней появилась какая-то новая нота

– надежда.

Я подошел к столу, взял фотографию Элли. Ее улыбка, такая светлая и искренняя, пронзила мое сердце.

– Я постараюсь, Элли, – прошептал я. – Постараюсь стать тем, кем ты хотела меня видеть.

И я знал, что это будет нелегко. Но я был готов к борьбе. Я долго смотрел на фотографию, словно ища у нее совета, поддержки. В голове роились мысли, планы, надежды. Я понимал, что в одночасье ничего не изменится. Путь к исцелению будет долгим и трудным. Но у меня появилась цель, появился стимул двигаться вперед.

Вечером я впервые за долгое время не стал засиживаться допоздна в кабинете. Отпустил охрану, приказал приготовить легкий ужин. В доме было непривычно тихо, но эта тишина больше не давила на меня. Я бродил по комнатам, рассматривал картины, фотографии, предметы интерьера.

После ужина я вышел на террасу. Город сиял огнями, словно приветствуя меня. Я вдохнул свежий ночной воздух, почувствовал его прохладу на своей коже. Впервые за долгое время я не думал о работе, о бизнесе, о проблемах. Я просто наслаждался моментом, ощущал себя живым.

Я взял телефон и набрал номер психолога. Да, я решил обратиться за помощью. Я понимал, что сам не справлюсь со своими демонами, что мне нужен проводник, который поможет мне выбраться из этой тьмы. Записался на прием на следующей неделе. Это был маленький шаг, но важный шаг

на пути к выздоровлению. Я снова почувствовал надежду. Надежду на то, что однажды я смогу освободиться от груза прошлого и начать жить по-настоящему.

Вернувшись в дом, я заглянул в комнату Элли (которую обустроил специально для неё). Всё оставалось нетронутым, словно она лишь ненадолго вышла. Ее любимое платье висело на спинке кресла, на прикроватной тумбочке лежала раскрытая книга. Я подошел к окну, провел рукой по занавеске. В памяти всплыли наши совместные вечера, когда мы сидели здесь, болтали обо всем на свете, строили планы на будущее.

Я присел на кровать, взял в руки книгу. Это был ее любимый роман, который она перечитывала каждый год. Я открыл наугад страницу и начал читать вслух. Сначала голос дрожал, но постепенно я вошел во вкус, стал читать более уверенно. В строках романа я находил утешение, ответы на свои вопросы.

Я читал до тех пор, пока глаза не начали слипаться. Закрыв книгу, положил ее на место. Почувствовал усталость, но это была приятная усталость, усталость от прожитого дня, от принятых решений. Я выключил свет и лег в кровать. Впервые за долгое время я уснул быстро и крепко.

Утром я проснулся с ощущением легкости. Словно с меня сняли тяжелый груз. Я сделал зарядку, принял душ, позавтракал. Оделся и вышел из дома. Сегодня я не поехал в офис. Я решил прогуляться по городу, посетить места, которые мы любили с Элли. Хотел вспомнить счастливые моменты, про-

жить их заново.

Проходя по знакомым улицам, я заглядывал в кафе, где мы любили пить кофе по утрам, проходил мимо кинотеатра, где впервые поцеловались. В каждом уголке города я видел ее образ, слышал ее смех. Сначала это вызывало острую боль, но со временем боль утихла, сменившись светлой грустью. Я понял, что Элли всегда будет рядом, незримо присутствуя в моей жизни.

Я зашел в парк, присел на скамейку под старым дубом. Здесь мы любили гулять, держась за руки, мечтать о будущем. Я закрыл глаза, попытался представить ее рядом. И вдруг почувствовал ее присутствие. Легкое прикосновение к плечу, тихий шепот на ухо. Я открыл глаза, но никого не увидел. Однако я знал, что она здесь. Она всегда будет здесь.

Вечером я вернулся домой. Заварил чай, сел в кресло с книгой. Вспомнил Элли, ее любовь к чтению. Улыбнулся. Я чувствовал, что жизнь продолжается. Что даже после потери можно найти в себе силы жить дальше, любить, надеяться.

Я открыл книгу и начал читать. На этот раз это была не любимая книга Элли, а новая, которую я выбрал сам. Я читал о приключениях, о любви, о надежде. И понимал, что все это есть в моей жизни. Пусть не сейчас, но обязательно будет. Нужно только верить и не сдаваться. Элли научила меня этому.

Я закрыл книгу, выключил свет и лег в кровать. Заснул с улыбкой на лице. Знал, что завтрашний день будет лучше,

чем сегодняшний. Потому что в моем сердце живет любовь. Любовь к Элли, любовь к жизни, любовь к будущему. И эта любовь поможет мне преодолеть все трудности и стать счастливым. Снова.

Через несколько недель я посетил психолога.

Я вошел в кабинет и встретился с уставшей девушкой.

– Доброе утро, доктор Ася.

– Доброе утро... – девушка запнулась на пару секунд, поднимая взгляд на меня. – Арсений Белов?

Кивнув, я прошел вдоль кабинета, устроившись в кресле.

– Вы записывались две недели назад, Арсений. Что оставляло вас прийти к психологу?

– Моя погибшая жена. – Сказал быстрее, чем подумал.

– Простите? – Доктор Ася нахмурила свои аккуратные брови.

– Она погибла три года назад. Я... был не готов говорить об этом с кем-либо. Даже с самим собой, – признался я, чувствуя, как ком подступает к горлу. Слова давались с трудом, словно я вытаскивал их из глубокого колодца.

Ася молча кивнула, давая мне время собраться с мыслями. В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь тихим тиканьем часов на стене. Я чувствовал ее внимательный взгляд, изучающий меня, словно экспонат под микроскопом.

– И что изменилось сейчас? – мягко спросила она, нарушив тишину.

– Я... я больше не могу так, – выдохнул я. – Я тону в про-

шлом. В воспоминаниях. Я не вижу будущего.

– Понимаю. Это нормально, Арсений. Потеря близкого человека – это всегда тяжело. И горе требует времени.

– Но сколько? Пять лет? Десять? Я не знаю, сколько еще смогу так прожить, – прошептал я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

Ася протянула мне бумажный платок. Я взял его, благодарно кивнув.

– Мы можем работать с этим, Арсений. Вместе. Если вы готовы.

Я глубоко вздохнул, вытирая внезапно выступившие слезы. Готов ли я? Этот вопрос терзал меня последние несколько месяцев, и я так и не смог найти на него однозначный ответ. Часть меня отчаянно хотела вырваться из этого замкнутого круга скорби, начать жить заново. Но другая, более сильная, цеплялась за прошлое, за воспоминания о ней, боясь предать ее, забыть.

– Я... я попробую, – произнес я, чувствуя неуверенность в каждом слове.

Ася ободряюще улыбнулась.

– Хорошо. Это уже большой шаг, Арсений. Помните, мы будем двигаться в вашем темпе. Нет необходимости торопиться. Расскажите мне о вашей жене. Как ее звали? Какой она была?

Я сделал еще один глубокий вдох, собираясь с силами. Имя будто застряло в горле, но я знал, что должен произне-

сти его вслух.

– Ее звали Элли. Она была... светом. Моим светом. – Я замолчал, пытаюсь подобрать слова, чтобы описать ее. – Элли была невероятно доброй, чуткой. Она умела видеть хорошее в каждом человеке. И любила жизнь во всех ее проявлениях.

Голос дрогнул, и я снова почувствовал, как слезы подступают к глазам. Я закрыл их на мгновение, позволяя воспоминаниям нахлынуть. Образ Элли был таким ярким, словно она стояла прямо передо мной. Ее лучистые глаза, заразительный смех, легкая походка. Все в ней излучало жизнь и радость.

– Мы познакомились еще в детстве. Яркая, светлая блондинка влипла в мою память. – Вздохнув и проглотив ком в горле, я продолжила. – Как банально, да? – усмехнулся я сквозь слезы. – Лучшие друзья с песочницы. Но это была правда. Мы росли вместе, делили секреты, поддерживали друг друга во всем. Она всегда верила в меня больше, чем я сам. Именно Элли настояла на том, чтобы я поступил в университет. Я сомневался, боялся, что у меня не получится. Но она сказала: «Ты талантлив, Арс. Ты должен дать себе шанс». И я послушал ее.

Ася внимательно слушала, не перебивая. Ее взгляд выражал сочувствие и понимание. Я чувствовал, что могу открыться ей, рассказать все, что накопилось за эти годы.

– Мы поженились тайно. Она об этом даже не знала, и скорее всего, никогда больше не узнает. Это были самые счастли-

ливые недели в моей жизни, когда она была рядом. Элли была моим вдохновением, моей музой. Она научила меня видеть красоту в простых вещах, ценить каждый момент. А потом... Потом все закончилось. Она сгорела в том доме. – прошептал я, и голос сорвался.

В глазах доктора Аси отразилась неподдельная скорбь. Она молчала, давая мне возможность выплакаться, выпустить боль. Тишина в кабинете стала почти осязаемой, наполненной моей печалью и ее сочувствием.

Я не помню, сколько времени прошло, прежде чем я смог снова говорить. Слезы текли по щекам, обжигая кожу. В голове звучали обрывки воспоминаний, голоса, смех. Все это было так близко и в то же время так далеко.

Ася тихо ждала, пока я немного успокоюсь. Затем она снова заговорила, мягким, успокаивающим голосом:

– Арсений, я понимаю, как вам больно. Потеря любимого человека – это страшный удар. И нет правильного или неправильного способа переживать горе. Важно позволить себе чувствовать. Не подавлять эмоции, а проживать их.

Она помолчала, а затем продолжила:

– Элли была важной частью вашей жизни. Она повлияла на то, каким вы стали. И ее память всегда будет жить в вашем сердце. Но это не значит, что вы должны жить только прошлым. Вы можете нести эту память с собой, но при этом двигаться вперед. Создавать новую жизнь, наполненную смыслом и радостью.

Я посмотрел на нее сквозь слезы. Ее слова звучали так просто и логично. Но как это сделать? Как забыть о боли, о пустоте, которую оставила после себя Элли? Как начать все сначала?

– Я не знаю, – прошептал я. – Я не знаю, как это сделать.

Ася вздохнула и придвинулась ближе, взяв мою руку в свою. Ее ладонь была теплой и сухой, и это простое прикосновение почему-то дало мне немного утешения.

– Это нормально – не знать, – сказала она. – Никто не знает, как пережить потерю, пока сам с этим не столкнется. Это путешествие, Арсений. Долгое и трудное. Но вы не должны проходить его в одиночестве. У вас есть я. У вас есть друзья. Позвольте нам помочь вам.

Она замолчала, давая мне время переварить ее слова. Я смотрел на наши соединенные руки, чувствуя, как сквозь оцепенение пробивается слабая надежда. Может быть, она права. Может быть, я не должен пытаться справиться со всем этим в одиночку.

– Начните с малого, – продолжила Ася. – Не пытайтесь сразу же перевернуть свою жизнь. Просто делайте один маленький шаг за раз. Встаньте с постели. Поешьте. Выйдите на улицу. Позвоните другу. Каждый маленький успех – это победа. И со временем эти победы сложатся в нечто большее. В новую жизнь.

Я поднял глаза и посмотрел на нее. В ее глазах я увидел сочувствие и искреннюю заботу.

– Хорошо. – тихо ответил я. – Я попробую.

Ася слегка улыбнулась, отпуская мою руку. – Отлично. Тогда на сегодня достаточно. Наша следующая встреча – через неделю, в это же время. Постарайтесь на этой неделе вспомнить какие-то приятные моменты, связанные с Элли. Не только боль и утрату, но и радость, счастье, любовь. Это поможет нам лучше понять, что вы потеряли, и как двигаться дальше.

Я кивнул, поднимаясь с кресла. Чувствовал себя немного легче, чем когда вошел в этот кабинет. Может быть, потому что поделился своей болью с кем-то, кто действительно слушал и понимал. Может быть, потому что впервые за долгое время почувствовал проблеск надежды.

– Спасибо, доктор Ася. – сказал я, направляясь к двери.

– Всего хорошего, Арсений. И помните, я здесь, чтобы помочь вам.

Выйдя из кабинета психолога, я вдохнул свежий воздух. На улице светило солнце, и это показалось мне хорошим знаком. Может быть, свет еще вернется в мою жизнь.

Неделя пролетела быстрее, чем я ожидал. Я старался следовать совету Аси, вспоминал Элли. Не только о трагедии, а о моментах счастья, о нашей любви. Это было больно, но и как-то очищающе. Вспомнил, как она смеялась, когда я пытался приготовить ее любимый торт, который всегда у меня подгорал. Как мы гуляли под дождем, не обращая внимания на промокшую одежду. Как она поддерживала меня во всем,

даже когда я сам в себя не верил.

В назначенный день я снова оказался в кабинете Аси. Она встретила меня теплой улыбкой, и я почувствовал себя немного увереннее. Мы говорили около часа, и я рассказал ей о своих попытках вспомнить хорошие моменты, о том, как это было сложно, но и как это помогло мне немного отпустить боль.

– Это отличный прогресс, Арсений, – сказала Ася. – Вы делаете первые шаги к исцелению. Важно помнить, что горе – это не линейный процесс. Будут дни, когда вам будет лучше, а будут дни, когда станет хуже. Но главное – продолжать двигаться вперед, не застревать в прошлом. Она предложила мне несколько упражнений, которые помогут мне справиться с негативными эмоциями и воспоминаниями. Мы договорились о следующей встрече, и я ушел, чувствуя себя немного сильнее и увереннее в себе.

– Сегодня мы с вами напишем письмо вашей покойной жене, Арсений.

С раннего утра, я сидел в кабинете Аси Куприяновой и слушал промыв мозгов. Практика которую она проводит со мной, помогает.

Я и раньше писал письма. Но на этот раз, Ася настояла чтобы я писал как будто она сидит напротив меня. Я должен был представить ее запах, ее голос, ее руки. Представить комнату, где мы обычно проводили вечера. Все до мельчайших деталей. Чтобы словно перенестись туда, в то время, ко-

гда она была жива.

Я взял ручку, глубоко вздохнул и закрыл глаза. В голове всплыли тени прошлых лет. Мы молодые, влюбленные, полные надежд и планов на будущее. Смех, объятия, мечты о детях... И вот, я уже пишу. Слова сами собой текут из-под пера, выстраиваясь в предложения, полные любви и тоски.

«Здравствуй, моя любимая...» – так начинается мое письмо. Я рассказываю ей о том, как мне ее не хватает, о том, как пуст стал мой дом без нее. Делюсь новостями, как будто она все еще рядом, слушала меня и улыбалась.

«Знаешь, сад, который был в прошлом доме, все еще цветет. Пионы, твои любимые, распустились пышным цветом, словно напоминая о твоей красоте. Я решил пересадить их в новый сад. Я ухаживаю за ними, разговариваю с ними, как разговаривал с тобой, когда мы вместе проводили время в саду. Иногда мне кажется, что слышу твой смех, когда ветер играет в листве деревьев.»

Я начал ходить на занятия по гончарному делу, помнишь, ты всегда хотела попробовать? Получается не очень, конечно, но я стараюсь. Представляю, как бы ты смеялась над моими кривыми вазами, но и подбадривала бы меня.

Еще одно мое приобретение – щенок. Помнишь, ты мечтала о добермане? Теперь этот черномордый комок шерсти свернулся калачиком в твоей комнате, словно осязающая твое присутствие. Каждую ночь я крадусь в твою постель, надеясь хоть на миг раствориться в воспоминаниях, но лишь

тону в бездонной пропасти, развернутой в моей душе.

Психолог говорит, что мне становится лучше. Не знаю. Боль все еще здесь, просто она стала какой-то другой, что ли. Может быть, не такой острой, но постоянной, как фоновый шум. Я учусь жить с ней, как учатся жить с хронической болезнью.

Я скучаю по твоим объятиям, по твоему теплу, по твоему запаху. Я скучаю по нам. Надеюсь, ты там, где тебе хорошо. И надеюсь, что когда-нибудь мы снова встретимся».

Ася сидела тихо наблюдая за мной. Временами я видел как она украдкой смахивала слезу. Мне было все равно. Впервые, за долгое время, я чувствовал легкость на душе. Я словно снова был с ней, делился своими чувствами, и получал в ответ ее безмолвное понимание. Какая разница, что ее нет рядом? В моем сердце она жива, пока я помню о ней.

Закончив письмо, я почувствовал, как тяжесть, давившая на грудь годами, немного отступила. Словно выпустил на волю птицу, томившуюся в клетке моего сердца. Я перечитал написанное, каждое слово, каждую фразу, и улыбнулся сквозь слезы. В этом письме была вся моя любовь, вся моя тоска, вся моя надежда.

Ася подошла ко мне и тихо сказала:

– Ты молодец, Арсений.

Я кивнул, не в силах вымолвить ни слова. В голове крутились обрывки воспоминаний, лица, голоса, запахи – все, что связывало меня с ней.

Я знал, что это письмо не вернет ее, не заполнит пустоту, но оно дало мне то, чего я так долго ждал – возможность сказать ей все, что я чувствую. Возможность почувствовать ее близость, хотя бы на мгновение. Возможность снова пережить те счастливые моменты, что мы провели вместе.

Теперь, когда письмо было написано, я почувствовал потребность продолжить. Писать ей каждый день, рассказывать о своей жизни, делиться своими радостями и печалью. Пусть она и не сможет ответить, я знал, что она слушает меня. И пока я помню о ней, она будет жить вечно – в моем сердце, в моих воспоминаниях, в моих письмах.

Дом встретил меня объятиями привычной рутины, поглотив с головой в водоворот рабочих бумаг. Тишину кабинета разорвал гневный рык:

– Арс, блять! – В дверях, словно разъярённый зверь, возник Матвей. – Какого хуя Мия ошивается в твоём кабинете?

Я вскинул бровь, оторвавшись от цифр.

– Мот, умерь пыл. Мия – моя родственница. Ты переходишь границы.

– Границы? Да я их в упор не вижу! Она украла у меня сына!

– Тише, – пробормотал я, массируя виски. Головная боль настойчиво заявляла о себе.

– Короче, – Матвей рухнул на стул и решительно отодвинул мои отчёты. – Ты должен её отвлечь. Я заберу сына. А потом можешь делать с ней что хочешь.

Я откинулся на спинку кресла, устало посмотрев на Матвея. В его глазах плескалась отчаяние, перемешанное с яростью. Я понимал его боль, но не одобрял методы. Мия – сестра моей Элли, женщина с непростой судьбой, но никак не воровка.

– Мот, ты сейчас ведешь себя как ребенок. Похищение – не выход. Поговори с ней, попробуйте решить все мирно.

– Мирно? Арс, она даже разговаривать со мной не хочет! Просто закрылась и все. Я не могу больше ждать, я должен увидеть сына.

Я вздохнул. Матвей был упрям, и переубедить его в таком состоянии было невозможно.

– Ладно, я попробую с ней поговорить. Но никаких похищений, понял? Если она против, ты просто уходишь. Дай мне слово.

Матвей помедлил, но потом кивнул.

– Хорошо. Только поторопись, я не хочу, чтобы он рос без отца.

Я поднялся, чувствуя тяжесть на плечах. С одной стороны – переживания за Матвея, с другой – нежелание вмешиваться в семейные дразги. Но оставить его одного было равносильно подписать приговор. Он наломает дров, а расхлебывать придется всем.

Комната Мии встретила меня прохладой каменных стен и запахом клубники.

– Арсений? Что-то случилось? – спросила она, впуская

меня внутрь.

– Мия, мне нужно с тобой поговорить. Матвей очень переживает. Он хочет видеть сына, – произнес я, стараясь говорить мягко и убедительно. – Послушай, я понимаю, что между вами произошло, но ребенок не должен страдать. Дай ему возможность общаться с отцом.

Мия опустила взгляд, её плечи поникли. В её глазах мелькнула боль, но затем она вновь собралась.

– Арс, ты не понимаешь. Он... он причинил мне слишком много боли. Я боюсь, что он причинит её и сыну.

– Мия, я знаю, что ты сильная. Но лишать ребенка отца – это неправильно. Дай Матвею шанс доказать, что он изменился. Позволь ему быть отцом, – я сделал паузу, надеясь, что мои слова дойдут до её сердца. – Если он причинит вам боль, я лично встану на вашу защиту. Обещаю.

Она молчала, обдумывая мои слова. Я видел, как в ней борются сомнения и страхи. Наконец, она подняла голову и посмотрела мне в глаза.

– Хорошо, – тихо произнесла она. – Я согласна. Но только в моем присутствии. И если я увижу хоть один признак, что ему небезопасно, он больше его не увидит.

Я выдохнул с облегчением.

– Спасибо, Мия. Ты поступаешь правильно. Я уверен, что вы сможете найти общий язык. Матвей очень любит сына. И тебя тоже когда-то любил.

В её глазах снова появилась тень, но я постарался не обра-

щать на это внимания. Сейчас главное – дать им шанс. Шанс наладить отношения ради ребенка, ради будущего.

– Я поговорю с Матвеем, – пообещал я. – Объясню твои условия. Уверен, он согласится. Он ведь тоже хочет быть частью жизни сына.

Мия кивнула, но в её взгляде все еще читалась тревога. Я понимал её страхи, ее опасения. Прошлое не так легко отпустить, особенно когда оно оставило глубокие раны. Но я надеялся, что время лечит, и что Матвей действительно изменился.

На следующий день я встретился с Матвеем. Он выглядел виноватым и одновременно взволнованным. Я рассказал ему об условиях Мии, о её страхах и надеждах. Матвей слушал внимательно, не перебивая. Когда я закончил, он вздохнул и произнес:

– Я понимаю её. Я сам виноват во всем, что произошло. Но я обещаю, Арс, я никогда больше не причиню ей боли. И сделаю все, чтобы быть хорошим отцом для сына.

Я поверил ему. В его глазах я увидел искреннее раскаяние и огромную любовь к ребенку. Оставалось надеяться, что Мия тоже увидит эти изменения.

ГЛАВА 2.

АРСЕНИЙ.

Я сидел за столом, заваленным отчетами и недопитым чаем. Сочи за окном тонул в вечерних огнях, а в моей голове роились мысли о делах насущных. Сегодня нужно было

разрулить ситуацию с «Физой». Эти отморозки обнаглели в последнее время, начали крышевать мелких торговцев, залезая на мою территорию. Беспредел нужно пресекать жестко и быстро.

В кабинет вошел Марат, моя правая рука.

– Арсений Александрович, «Физа» прислали переговорщика. Ждет в приемной.

– Пусть входит, – ответил я, откидываясь на спинку кресла. – Посмотрим, что они скажут.

В кабинет робко вошел щуплый парень в спортивном костюме. Видно, что впервые на таком уровне.

– Здравствуйте, Арсений Александрович... Меня зовут Вадим.

Я сверлил его взглядом.

– Вадим, я знаю, кто ты. Передавай своим боссам, что я не потерплю беспредела на своей территории. Если «Физа» еще раз сунется к моим людям, я сотру их с лица земли. Понял?

Вадим сглотнул, его лицо стало белым, как мел.

– Да... Да, Арсений Александрович. Передам все точно.

– Иди, – бросил я. Марат проводил его до двери.

В последнее время вокруг меня сгущались тучи. Я чувствовал, как на меня давят со всех сторон.

После ухода Вадима я вызвал к себе Марата.

– Собери ребят, пусть наведаются к этим выскочкам. Но без лишней крови. Просто покажем, что никакое действие не обходится без последствий. Пусть поймут, что мы следим

за каждым их шагом.

Марат кивнул и вышел, а я остался один на один со своими мыслями. В голове прокручивались возможные варианты развития событий. «Физа» – это не единственная проблема. В последнее время активизировались конкуренты, да и власти стали чаще присматриваться к моей деятельности. Нужно быть предельно осторожным и просчитывать каждый свой шаг.

Вечером я отправился в свой загородный дом. Тишина и свежий воздух помогли мне отвлечься от проблем и привести мысли в порядок. Я сидел на террасе, смотрел на звезды и думал о будущем. Я построил свою империю с нуля, и никто не отнимет у меня то, во что я вложил столько сил и времени.

Но спокойствие было обманчиво. Знал, что завтрашний день принесет новые вызовы и испытания. Нужно быть готовым ко всему. Я встал и направился в дом. Впереди ждала долгая ночь размышлений и планирования.

Утром меня разбудил телефонный звонок. Звонил Марат. В его голосе чувствовалась тревога.

– Арсений Александрович, у нас проблемы. Ночью сожгли несколько машин на стоянке у офиса. Есть пострадавшие. Похоже, это дело рук «Физы».

Я сжал кулаки от гнева. Эти сопляки перешли черту. Так дело не пойдет.

– Марат, собери всех. – Короткий приказ, точный ответ.

– Есть!

В офисе царила суматоха. Пожарные заливали остатки сгоревших машин, медики оказывали помощь пострадавшим. Я прошел в свой кабинет и посмотрел в окно. Город жил своей обычной жизнью, но в моей душе бушевал ураган. Пришло время показать этим выскочкам, что такое настоящий гнев. Я не позволю никому угрожать моей власти и безопасности моих людей. Война началась.

В кабинет вошел Марат, его лицо было напряжено.

– Арсений Александрович, мы выяснили, кто это сделал. Это точно «Физа». Они наняли каких-то отморожков из области.

– Где они сейчас?

– Прячутся на одной из заброшенных строек. Наши люди уже выехали туда.

– Отлично. Стереть их в порошок. Чтобы другим неподводно было. И передай всем моим людям, чтобы были готовы ко всему. Эта война будет нелегкой.

Вечером того же дня я собрал всех своих приближенных в одном из своих загородных домов. Нужно было разработать план действий.

– Мы должны показать «Физе», что с нами лучше не связываться, – сказал я, обводя взглядом присутствующих. – Мы раздавим их, как тараканов. Но действовать нужно грамотно и быстро.

Было решено нанести серию ударов по «Физе», лишить

их финансовой поддержки и влияния. Каждый получил свою задачу. Я знал, что это будет долгая и кровопролитная война, но я был готов ко всему.

Ночью мне не спалось. Я ворочался в постели, прокручивая в голове возможные варианты развития событий. Я понимал, что на кону стоит не только моя империя, но и моя жизнь. Но я не собирался сдаваться. Я слишком много вложил в это дело, чтобы позволить каким-то выскочкам разрушить все, что я построил.

Утром я проснулся с твердым намерением довести дело до конца. Но все перевернул один телефонный звонок.

– Элли, – одно имя, которое разожгло моё сознание. – Элли, это ты?

В трубке слышалось тяжелое дыхание и тишина. Ни одного слова.

В голове промелькнула тысяча мыслей. Элли! Прошло три года с того момента, как я приехал к горящему особняку. Я думал, что потерял её тогда.

– Элли, если ты меня слышишь, дай знать. Где ты? Что случилось?

В трубке послышался тихий вскрик и связь оборвалась. Я вскочил с кровати, в голове запульсировала тревога.

– Марат! – заорал я, натягивая штаны. – Поднимай всех! Срочно! Найти и установить, откуда был звонок! И выяснить все об Элли! Сейчас же!

Я не терял ни секунды. Элли – это часть моего прошло-

го, та часть, которую я бережно хранил в своем сердце. Я не позволю никому причинить ей вред. Найду и уничтожу любого, кто посмеет к ней прикоснуться. Война с «Физой» отходит на второй план. Сейчас это личное. И в этой войне я не знаю пощады.

Марат ворвался в комнату, его лицо выражало крайнюю степень напряжения.

– Арсений Александрович, звонок был из старого заброшенного порта на окраине города. Наши люди уже там, прочесывают каждый уголок. Информации об Элли пока нет, работаем.

Я схватил пистолет со столика и направился к выходу.

– Я с вами.

Мы ворвались в склад, Марат и несколько бойцов за мной. Один из моих людей лежал на полу без сознания. Засада? Мои парни слишком хорошо обучены, чтобы так попасться. Тут что-то нечисто.

– Что здесь стряслось? – рявкнул я, осматривая убогое помещение.

Холодный расчет, вот что должно быть сейчас в моей голове. Элли... Черт возьми, они знают, как меня задеть.

– Ничего особенного, босс, – ответил один из бойцов, оглядываясь по сторонам. – Просто вырубил Толика и все.

Я прошелся по складу, сканируя каждый угол. Ящики, мусор, прогнившие доски. Идеальное место для крыс и предателей. Мой взгляд зацепился за старый телефонный аппарат,

прикрученный к стене в дальнем углу. Он выглядел слишком старым, чтобы быть рабочим, но возле него валялся свежий окурок. Кто-то недавно им пользовался.

Я резко развернулся.

– Марат, общите все вокруг. Ищите подвох. Это ловушка.

В голове начали складываться пазлы. Звонок с именем Элли, старый порт, вырубленный боец, этот телефон. Все это слишком явно. «Физа» играет грязно. Они думают, я настолько ослеплен прошлым, что побегу сломя голову?

Я усмехнулся. Они сильно ошибаются.

Марат и остальные принялись за дело, переворачивая ящики и простукивая стены. Я же подошел к Толику. Он застонал, когда я попытался поднять его. На виске алела шишка, явно от удара чем-то тяжелым.

– Кто это сделал? – прорычал я ему в ухо.

Толик поморщился и пробормотал что-то нечленораздельное. Я оставил его, приказав одному из бойцов привести его в чувство. Сейчас у меня не было времени на нежности. Слишком многое стояло на кону.

Внезапно Марат закричал:

– Босс, здесь кое-что есть!

Я подошел к нему. Он стоял возле одной из стен, за которой обнаружилась потайная дверь. За ней виднелась узкая лестница, ведущая вниз.

– Куда она ведет? – спросил я.

– Не знаю, босс. Слишком темно, чтобы разглядеть.

Я достал свой пистолет и проверил обойму. "Физа" хотела поиграть? Отлично. Я тоже люблю игры.

– Марат, прикрой меня. Остальные, за мной. Посмотрим, что они там приготовили. Эта ночь станет для кого-то очень длинной.

Я двинулся к лестнице, ощущая, как адреналин бурлит в крови. Каждый шаг отдавался гулким эхом в узком пространстве. Внизу пахло сыростью и плесенью, что говорило о запущенности этого места. Лестница привела в небольшой коридор, стены которого были сложены из грубого камня. В конце коридора виднелся тусклый свет.

Я жестом приказал бойцам рассредоточиться и двигаться бесшумно. Мы продвигались осторожно, стараясь не издавать ни звука. Вскоре коридор вывел нас в просторный зал, освещенный несколькими факелами, висящими на стенах. В центре зала стоял большой деревянный стол, заваленный картами, документами и оружием. Вокруг стола сидели несколько человек, одетых в черную форму. Они были настолько увлечены своим занятием, что не заметили нашего появления.

– Сюрприз! – рявкнул я, направив пистолет на ближайшего из них.

Бойцы мгновенно отреагировали, открыв огонь. Завязалась ожесточенная перестрелка. Пули свистели в воздухе, осколки камня и дерева летели во все стороны. Враги пыта-

лись оказать сопротивление, но их было слишком мало, и они были застигнуты врасплох.

Через несколько минут все было кончено. Зал был залит кровью, а на полу лежали тела врагов. Я окинул взглядом поле боя, убеждаясь, что все противники уничтожены. "Физа" явно недооценила меня. Эта игра только началась, и я намерен выиграть ее любой ценой.

Я отошел от стола, проклиная свою удачу – карты и документы могли раскрыть важные сведения о планах "Физы". Каждую секунду нарастающее волнение казалось нестерпимым. Я поднял один из листов, на котором были обозначены маршруты поставок различных ресурсов. Внезапно у меня мелькнула идея: мне нужно было найти главного и вывести его на чистую воду.

Собрав оставшихся бойцов, я приказал им обыскать помещение. Каждый угол был тщательно исследован, а я продолжал изучать документы. В этот момент один из моих подчиненных подошел ко мне с серьезным выражением на лице. Он был в смятении, его голос дрожал от возбужденного восторга.

– Мы нашли что-то, – сообщил он, поднимая в руке небольшой жестяной контейнер, окруженный пылью. – Это может быть ключ к их операциям.

Я быстро подошел, и, открыв контейнер, увидел ряд жестких дисков и флешек. Сразу стало ясно, что это информация, которую нужно было срочно разгласить. Мы должны были

покинуть это место прежде, чем на нас обрушится новая волна. Ощущение времени стало давить на меня, как плотный туман.

Прежде чем уйти, я бросил последний взгляд на зал. Этот бой стал лишь эпизодом войны, и я понимал, что именно теперь мне нужно было взять ситуацию под контроль. Мы выдвинулись по тому же коридору, держа ухо востро. Кажется, "Физа" все еще не осознавала, насколько серьезна ее ошибка. Возможности, открывшиеся передо мной, были безграничны, и теперь я был готов действовать.

По пути до дома, я позвонил своему капо.

– Слушай, у меня есть информация, которую нужно срочно проверить, – сказал я, стараясь успокоить дыхание и избегая резонансных звуков. На связи был невозмутимый голос моего капо, и я знал, что он всегда находится в курсе дела.

– Что-то жаркое, опять с "Физой"? – спросил он. В его голосе звучала нотка интереса. Я поделился последними событиями, описал находку жестких дисков и флешек, а также важность информации, которую они могли содержать.

– Я соберу команду, – заметил капо. – Убедись, что вы пришли на базу незамеченными. Нам нужно разобраться, какие действия предпринять. Если "Физа" выходит на нас, будем готовы к ответному удару.

Да – думал я – именно так и будет.

Мы должны быть на шаг впереди. Я отключился, и сердце снова забилось быстрее. "Физа" не догадывалась, что враг

уже внутри их стен. Я знал, что мы сможем использовать их собственные карты против них. Как только вернусь, запустим контроперацию, поставим их на место.

Увидев знакомые огни нашего укрытия, я почувствовал, как напряжение начинает спадать. Боевая команда рассредоточилась, приняв свои позиции, и я не сомневался, что решение, которое мы примем завтра, изменит весь ход этой игры. Мы стояли на пороге великого сражения, и я, как никогда, был готов к тому, чтобы вывести "Физу" на чистую воду.

Но перед этим, я хочу съездить на могилу к своей жене.

ЭЛИ.

Прошлое. Три года назад.

Собравшись с силами, я поднялась на ноги и осмотрелась. В комнате царил хаос: вещи попадали со шкафа, люстра едва держалась на проводе, а в окне зияла огромная трещина. Нужно действовать быстро.

Выглянув в коридор, я убедилась, что там никого нет. Осторожно пробираясь сквозь обломки, я добралась до лестницы и начала спускаться вниз. Каждый шаг отдавался эхом в пустом доме. В гостиной я увидела Изабеллу, лежащую на полу без сознания. Она была вся в пыли и осколках стекла. Я понимала, что должна помочь ей, но времени почти не было. Кто знает, что произойдет дальше.

Приняв тяжелое решение, я выбежала из дома и направилась к гаражу. Одна машина, к счастью, уцелела. Я быстро завела двигатель и выехала со двора, не оглядываясь. Серд-

це бешено колотилось в груди. Я не знала, куда ехать и что делать, но понимала, что должна как можно дальше уехать от этого проклятого места.

На дороге я включила радио, надеясь услышать хоть какие-то новости о произошедшем. Диктор говорил о мощном взрыве в элитном районе города. Подробности пока не сообщались. Слезы навернулись на глаза. Неужели это конец? Неужели Волков добрался до меня? Но я не сдамся. Я выживу, чего бы это ни стоило.

Приблизившись к окраине города, я свернула на проселочную дорогу, надеясь затеряться среди полей и лесов. Мне нужно было время, чтобы прийти в себя и обдумать дальнейшие действия. Мне нужна сейчас поддержка папы и девушки.

А Арсений? Что делать с нашими только зародившимися отношениями? Или... Изабелла была права и мне стоит пропасть, дать ему шанс на счастье?

Мне нужно время обдумать это... Но сколько времени понадобится, чтобы принять верное решение?

Тишина стала моим единственным спутником. Ни звонков, ни сообщений, ни встреч. Я сознательно оборвала все связи, вычеркнув себя из жизни тех, кого любила. Каждый раз, когда я видела семью по телевизору, где-то в новостях, где-то в светской хронике, сердце сжималось. Они наверняка оплакали меня, искали, надеялись, а потом смирились. Я не могла дать им ничего, кроме боли и страха. Лучше ду-

мать, что я погибла в том пожаре, чем узнать, что я жива, но в вечном бегстве, в вечной опасности.

День за днем я строила новый мир, в котором не было места прошлым ошибкам и старым врагам. Я сменила внешность, научилась жить в чужой стране, работать там, где меня никто не знал. Было сложно, невероятно сложно. Каждый шорох заставлял вздрагивать, каждый взгляд казался подозрительным. Но главное – я училась доверять себе, своим инстинктам, своей силе, которую раньше не замечала.

Арсений... Иногда я ловила себя на мысли, что хочу написать ему, позвонить, узнать, как он. Но эти мысли тут же гасли. Как бы я объяснила ему, почему исчезла? Что бы я ему сказала? *Прости, но я тут жива, пока ты ломаешь свой внутренний мир, переживая утрату?* Смешно, Элли... Он никогда не простит.

Прошли месяцы. Я научилась жить так, чтобы прошлое не могло меня настигнуть. Я стала тенью, еле уловимым присутствием. Моя семья, мои друзья, Арсений – они остались в другой жизни, другой реальности. И я не собиралась ее нарушать. Мое выживание требовало этой жертвы. Жертвы собственного прошлого, собственного счастья.

Иногда, глядя на звезды, я думала о том, кем бы я могла стать, если бы тот пожар не изменил мою жизнь навсегда. Но эти мысли были мимолетными. Я выбрала этот путь. И я шла им, оставаясь невидимой, оставаясь живой, но не существующей для тех, кто когда-то дал мне жизнь.

До сегодняшнего дня...

Стены кабинета были выкрашены в нейтральный, слегка удручающий оттенок зеленого, напоминающий цвет болотной тины. Воздух был пропитан стерильным запахом антисептиков, смешанным с еле уловимой ноткой чего-то кислотного – возможно, усталости. На полированной поверхности массивного стола, заваленного папками и какими-то медицинскими инструментами, сиротливо мерцал экран монитора, отражая безмолвное равнодушие. За окном, несмотря на ненастную погоду, пробивался скупой солнечный свет, но он казался бледным и неживым, словно ему не хватало сил пробиться через плотное стекло и слои царившей в комнате неопределенности.

Я сидела на жестком стуле, ощущая, как вязкая паутина тревоги оплетает грудь, сдавливая дыхание. Ноги онемели, руки не слушались, казалось, что даже сердце работает на пределе, испуганно замирая от каждого звука. Глоток воды, который я сделала перед тем, как войти, уже ощущался как тяжелый ком в горле. Я ловила себя на том, что судорожно цепляюсь за малейшие детали – узор на ковре, трещину на стене, выражение лица врача – но все они ускользали, не принося утешения, лишь усиливая чувство собственной уязвимости.

Врач, пожилой мужчина с усталыми глазами, аккуратно поправлял очки, словно пытаюсь придать себе уверенности. Его слова звучали ровно, безэмоционально, но каждое сло-

во падало в мой внутренний мир, как камень, вызывая новую волну опасений. Я пыталась сосредоточиться, вникнуть в суть сказанного, но мысли скакали, натываясь на страх. Это было похоже на то, как маленький ребенок пытается построить замок из песка, когда волны неумолимо набегают на берег.

Мир словно перевернулся вверх дном, а я застряла где-то между небом и землей, не в силах ни взлететь, ни упасть.

Врач говорил:

– Эли...

– Лейкемия...

– Агрессивная форма...

– Необходимо немедленно начать лечение...

Но слова доходили до меня словно сквозь толщу воды, теряя смысл, обращаясь в бессвязный гул.

Агрессивная форма... – эхом отозвалось в моей голове. Неужели это возможно? Я, которая три года назад, буквально вырвала себя из лап смерти, теперь столкнулась с ее новой, еще более коварной сущностью. Я, которая научилась доверять себе, своим инстинктам, теперь чувствовала себя совершенно беспомощной.

– Я понимаю, что это шок, – продолжил врач, продолжая поправлять очки. – Но мы должны действовать. Есть варианты лечения, но они требуют незамедлительного вмешательства. Ваше состояние... оно требует решительных мер.

Я кивнула, пытаюсь собрать волю в кулак. Эти слова, как и

все, что говорил врач, казались нереальными. Лейкемия. Я, так боящаяся прошлого, теперь столкнулась с угрозой, которая могла уничтожить меня здесь и сейчас, даже без участия Волкова.

– Мама... – вырвалось у меня, прежде чем я успела подумать. Вопрос о ней, о моем прошлом, о моей семье, навис над мной. Как она тогда справилась? Как она выстояла одна?

Врач посмотрел на меня внимательно, его взгляд стал чуть мягче.

– Ваше прошлое... оно может быть связано с вашим нынешним состоянием. Но сейчас главное – ваша жизнь. Мы должны сосредоточиться на лечении.

Я снова кивнула, чувствуя, как по щекам текут слезы. Я всегда была сильной, всегда боролась. И я боролась за свою жизнь, вычеркнув себя из жизни близких. Теперь, когда прошлое, казалось, прорвалось сквозь годы забвения, я должна была бороться снова.

Я ощутила, как невидимые нити моей прошлой жизни, казалось бы, прочно оборванные, внезапно натянулись, стягиваясь тугим узлом у сердца. Лейкемия. Слово, звучавшее как приговор, как зловещее эхо из прошлого, где я боролась за выживание, скрываясь от преследователей. Я, считавшая себя достаточно сильной, чтобы вычеркнуть себя из жизни родных и близких ради их безопасности, теперь столкнулась с врагом, который поразил меня изнутри, без чьего-либо участия. Это была новая, более изощренная форма испы-

тания, проверка моей стойкости, моего желания жить.

Воспоминания нахлынули с новой силой. Отец, его мудрые слова, дедушка, его безграничная вера в меня. Арсений... его образ, такой яркий и живой, теперь казался далеким, почти нереальным. Как объяснить ему мое исчезновение, мою жизнь в тени? Сможет ли он простить меня, когда я, зная, что больна, позволю ему страдать, оплакивая меня? Эта мысль была невыносима. Мое прошлое, каким бы тяжелым оно ни было, теперь требовало моего возвращения, хоть и в совершенно ином качестве.

Я подняла взгляд на врача, и в его глазах увидела не жалость, а решимость. Этот взгляд вселял надежду, тихую, но упрямую. Я всегда была бойцом. Три года назад я выжила, избежала смерти, став тенью, невидимой для мира, который я любила. Теперь мне предстояло сражаться за свою жизнь снова, но на этот раз – открыто, не скрываясь. Борьба будет другой, но сила духа, закаленная годами испытаний, осталась прежней.

Я вспомнила свой новый мир, созданный в чужой стране. Мир, где я научилась доверять себе, своим инстинктам. Эта сила, которую я тогда открыла, теперь должна была стать моим главным оружием. Я больше не была той испуганной девушкой, убегающей от прошлого. Я стала женщиной, закаленной в горниле испытаний, готовой встретить любую опасность. Мое выживание обрело новый смысл.

– Я готова, – произнесла я, и мой голос, хоть и дрожал,

звучал твердо.

ГЛАВА 3.

ЭЛЛИ.

Путь на родину, казался одновременно и спасением, и предначертанной ловушкой. Три года я отчаянно пыталась стереть это место из памяти, похоронить его вместе с мамой, с той жизнью, которую оставила позади. Но теперь, когда собственное тело стало врагом, прошлое, казалось, начало преследовать меня, требуя встречи. Я должна увидеть мамину могилу. Это был не просто долг, а внутренняя потребность, отчаянный шаг навстречу той части себя, которую я пыталась сохранить, оставаясь неприкаянной скиталицей.

Сбор вещей был механическим, отчужденным. Чемодан, который когда-то казался символом моей новой, независимой жизни, теперь стал вместилищем чего-то тяжелого, невыразимого. Пара сменной одежды, ноутбук – всё, что могло пригодиться, чтобы оставаться на связи, но ничто, что могло бы вернуть прежнюю Элли. Каждое прикосновение к привычным предметам вызывало острые уколы ностальгии, легкий запах соли и йода, который, казалось, навсегда остался в воздухе моего родного дома. Руки сами собой тянулись к старой фотографии, где мы с папой смеялись у моря, но я одергивала себя. Нельзя. Пока что нельзя.

Поездка казалась бесконечной. Легкомысленная суета перелетного города, каковым всегда был Сочи, теперь ощущалась почти болезненно. Я представляла себе, как выйду из

аэропорта, и теплый, влажный воздух коснется моей кожи, принося с собой не только ароматы цветущих деревьев, но и тяжесть невысказанных слов, невыплаканных слез. Я боялась встречи с самим городом, его улицами, его людьми. Неужели кто-то узнает меня? Неужели мои попытки стать тенью окажутся тщетными?

Я знала, что предстоит. Встреча с родственниками, которые, вероятно, уже давно смирились с моим исчезновением. И, конечно, встреча с Арсением. Как я объясню ему все? Что скажу, когда увижу боль в его глазах, которую сама же и посеяла? Он, переживший потерю, будет оплакивать мою "смерть", пока я жила, пытаясь забыться. Это казалось невыносимым предательством, и мысль о том, что мне придется смотреть ему в глаза, парализовывала.

Но мамина могила... Это было единственное, что вело меня вперед. Я должна была отдать ей дань уважения, попросить прощения за свое долгое молчание, за то, что не смогла быть рядом. Сочи, мать, могила – эти слова переплетались в моем сознании, становясь единым, непонятым, но неизбежным пунктом назначения. Я ехала не для того, чтобы вернуть прошлое, а чтобы, возможно, обрести силы для будущего, примирившись с самой глубокой раной.

Наконец, самолет приземлился. Сочинский аэропорт встретил меня знакомым гулом, смешением запахов специй и морского бриза. Первые шаги по взлетной полосе ощущались как погружение в чужую реальность, где каждый вдох

напоминал о том, от чего я так долго бежала. Я старалась не смотреть по сторонам, не ловить взгляды случайных прохожих, опасаясь увидеть в них отражение той, кем я была раньше, той, которую пыталась похоронить.

Такси несло меня по знакомым улицам. Город, когда-то полный жизни и воспоминаний, теперь казался декорацией к чужой пьесе. Пальмы, буйно цветущая зелень, лазурное море – все это было здесь, такое же, но уже не мое. Я чувствовала себя призраком, блуждающим по местам своей прошлой жизни, не имея права прикоснуться, не имея права остаться. Машина остановилась у кладбища. Сердце забилося быстрее, предчувствуя неизбежность.

Перед глазами распахнулись серые ворота, ведущие к скорбной тишине. Мне казалось, что каждый шаг отдавался эхом в этом месте забвения. Воздух был густым, пропитанным запахом влажной земли и увядших цветов. Я купила букет. Яркие, почти вызывающе розовые розы – единственное, что могло хоть как-то выразить мою неуместную, но такую сильную любовь. Эти цветы были моей молитвой, моим признанием.

Я шла по узкой тропинке, лавируя между каменными плитами, вглядываясь в имена, высеченные на них. Наконец, я увидела её. Мама. Простое, знакомое имя, выбитое на холодном камне. Оно казалось таким маленьким, таким несоответствующим той женщине, которая была моим миром, моей опорой. Я опустилась на колени, прижимая к груди розы.

Слезы, которые я так долго сдерживала, хлынули, обжигая щеки. Я шептала слова, которые не успела сказать, извинения, которые звучали теперь жалко и горько.

– Прости меня, мама. Прости, что так долго...

В этот момент, когда мир вокруг сузился до боли в груди и шелеста ветра в кронах деревьев, я услышала его. Тихий, почти невесомый мужской голос, полный недоверия и боли:

– Элли?

Мое сердце замерло. Голос. Этот голос я узнала бы из тысячи. Арсений. Здесь. Сейчас. Как? Почему? Я медленно подняла голову, чувствуя, как мир вокруг начинает вращаться. Мне казалось, что я ослышалась, что это игра моего измученного сознания, но звук повторился, на этот раз чуть громче, с ноткой отчаяния:

– Элли, это ты?

Я увидела его. Он стоял в нескольких метрах от меня, высокий, осунувшийся, с глазами, в которых отражалась вся моя ложь и его потеря. Он смотрел на меня так, словно увидел призрака. И, наверное, для него я им и была – призраком, вернувшимся из небытия, чтобы разрушить его хрупкий мир. Розовые розы в моих руках вдруг показались мне нелепым, кричащим символом лжи, которую я так долго несла.

АРСЕНИЙ.

За пару минут до...

– Я так больше не могу, звездочка, – поднял пистолет к

виску, собираясь снять курок. И тут мой взгляд зацепился за темную, кудрявую макушку девушки напротив.

Я опустил пистолет. Не то чтобы я внезапно обрел волю к жизни, нет. Просто этот звук... Этот голос. Мой, казалось бы, мертвый мир внезапно обрел краски, которых не видел уже три года. Элли. Я видел её, совсем рядом, у могилы её матери. И она видела меня. Словно два призрака, встретившихся на границе забвения, на пороге новой, никому не нужной реальности.

Моя рука не дрогнула, когда я направлял дуло к виску. Я был готов. Я прожил три года в агонии, каждый день вычеркивая из жизни, теряя рассудок от горя. Три года надежды, что забвение придет, что эта адская боль утихнет. Я шел к маме, чтобы попросить у неё последнее прощение. Затем, к ней. Это был мой конец, мой единственный выход.

И тут... эхо из прошлого. Её голос. Сначала я подумал, что это игра воображения, последний этап моего безумия. Но потом, я увидел её. Она стояла там, у могилы своей матери, и розы в её руках казались насмешкой. Такой живой. Такой настоящей.

Мой пульс восстановился, но стало только хуже. Откуда она взялась? Почему? Три года назад она просто исчезла, оставив после себя пустоту и боль. Я похоронил её. Похоронил надежду. А теперь она стояла передо мной, такая реальная, что я мог дотронуться.

Я не мог понять. Не мог осознать. Моя рука, всё ещё сжи-

мавшая пистолет, опустилась. Я был парализован. Перед моими глазами стояли две могилы. Одна – мамы, вторая – моей Элли. И вдруг... вот она, живая. У маминой могилы. Я почувствовал, как почва уходит из-под ног.

Я хотел закричать, спросить, где она была, почему она вернулась. Но слова застряли в горле, превратившись в немоту. Сердце, которое, казалось, умерло вместе с надеждой, забилося где-то в груди, издавая глухие, тревожные удары. Я сделал шаг, потом еще один, пока между нами не осталось всего несколько метров. Она подняла глаза – те самые глаза, которые я видел в своих кошмарах, полные той же боли, той же тоски.

– Ты... – только и смогла выдохнуть она, и в её голосе прозвучала та же боль, что и три года назад. Мы стояли, словно застывшие во времени, два осколка разбитого мира, один из которых, казалось, был навсегда потерян. Я смотрел на неё, пытаюсь уловить хоть малейший признак обмана, но видел лишь отражение собственной опустошенности.

– Я думал, ты умерла, Элли, – прошептал я, и мой голос звучал чужим, надломленным. – Я думал, что умер и сам. – Моя рука, всё ещё сжимавшая холодный металл, начала дрожать. В этот момент весь мой план, вся моя решимость рассыпались в прах. Что теперь? Что делать, когда самый сильный аргумент против жизни снова стоял передо мной, живой и дышащий?

Она сделала шаг ко мне, её розы упала на землю. Я не двигался, страшась спугнуть это чудо, эту иллюзию. Её рука коснулась моего лица, пальцы были холодными, но прикосновение – настоящим.

– Я тоже думала, что потеряла тебя *навсегда*, – её голос был полон слез.

Тогда я понял. Этот пистолет, который я держал в руке, был не выходом. Он был следствием отчаяния. А она... она была возвращением к жизни. Мой мир, казалось, ещё вчера был серым и пустым, но сейчас, держа её за руку, я чувствовал, как краски вновь наполняют реальность, а боль отступит, оставляя место робкой, но такой долгожданной надежде.

Но эта надежда разлетелась вдребезги, стоило моим глазам снова встретиться с её. В них не было раскаяния, не было и той боли, которую я так долго искал. Была лишь холодная отстраненность, такая же, как и три года назад, когда она исчезла, оставив после себя лишь пепел и горечь. А где были мои последние три года? В аду, каждый день ожидая этой встречи, надеясь на хоть какое-то объяснение.

– Прости, – прошептала она, и её глаза, полные слез, смотрели прямо в мои.

– Простить? – слово пронеслось в моей голове, как насмешка. Простить за то, что она оставила меня умирать внутри? Простить за все эти похороны, которые я пережил – похороны матери, похороны самой Элли? Ее слезы, ее слова о

потере – всё это казалось ложью, дешевой попыткой оправдать свой эгоизм.

Я отстранился, словно обжегшись. Ее рука, еще недавно казавшаяся спасением, теперь вызывала отвращение.

– Три года, Элли. Три года я искал тебя, и ты появляешься вот так? У маминой могилы, с цветами, будто ничего не произошло? – Мой голос сорвался. Внутри поднималась волна ярости, смешанная с той самой болью, которая, казалось, утихла. – Я не думал, что ты жива, – добавил я, и это прозвучало как приговор. – Я думал, ты либо погибла в том пожаре, либо сбежала. И я выбрал верить в первое, чтобы хоть как-то жить. А ты... ты просто наслаждалась, зная, что я мучаюсь?

Я отвернулся, не в силах больше смотреть на ее фальшивое раскаяние. В ее глазах я искал отблеск той девочки, которую любил, но видел лишь отражение равнодушной женщины, которая играла с моими чувствами. И тогда я понял, что этот пистолет, который я все еще держал в руке, не был предложением для суицида. Он был предложением для мести.

Холодный металл пистолета в моей руке стал единственной настоящей вещью в этом искаженном мире. Я чувствовал его вес, его брэнность, контрастирующую с моей всепоглощающей болью. Взгляд Элли, все еще прикованный ко мне, теперь казался испуганным, но это был не страх перед смертью, а страх перед моим гневом. Ненависть, которую я так долго подавлял, вырывалась наружу, питаюсь этой встречей, отравляя воздух вокруг нас.

– Ты говоришь, что потеряла меня, Элли? Ты понятия не имеешь, что такое потеря. Ты ушла. Ты оставила меня одного с призраками прошлого и пустым будущим. Ты позволила мне думать, что всё кончено, а сама жила, как ни в чем не бывало. Как ты могла? – каждое слово было ударом, сотрясающим основание моего мира. Я видел, как поблекло ее лицо, как дрогнули губы, но это не вызывало у меня ничего, кроме презрения.

Я поднял пистолет, ощущая, как пальцы обхватывают рукоять. Это был не просто акт возмездия, это было очищение. Очищение от лжи, от боли, от фальшивой надежды, которая так долго терзала мою душу. Я видел в ее глазах отголоски той девочки, которую когда-то любил, но это был лишь мираж, обманчивый блик прошлого, который лишь подчеркивал всю глубину ее предательства.

– Это не месть, Элли, – прошептал я, чувствуя, как мой голос дрожит от невысказанных эмоций. – Это справедливость. Ты вернулась, чтобы напомнить мне о том, что я потерял. Но ты не вернешь мне украденные годы, не вернешь мне часть меня, которая умерла вместе с твоим исчезновением. И за это ты должна заплатить.

В этот момент я понял, что моя жизнь – это история, которую я пишу сам. И эта глава, как бы темной она ни была, должна иметь свое завершение. Завершение, которое я напишу своей рукой, поставив точку в этой нескончаемой драме.

Палец на спусковом крючке дрогнул. Не от слабости, не от сомнений, а от осознания того, что любое действие, совершенное сейчас, станет необратимым. Мир сжался до этого мгновения, до этой пустой местности, наполненной призраками прошлого и отчаянием. Я смотрел на нее, на Элли, и видел не только предательницу, но и свою собственную тень, отражение моей боли, моей утраты.

– Ты думаешь, я хочу этого, Элли? – мой голос стал тише, в нем появилась усталость, которая была глубже любой ненависти. – Ты думаешь, это приносит мне облегчение? Это не освобождение, это только новое рабство. Рабство в этой боли, которую ты сама мне подарила. Думаешь я до сих пор люблю тебя так же? Той одержимостью как раньше?

Мои пальцы разжались, и пистолет опасно качнулся. Вселенная, казалось, замерла в ожидании. Что теперь? Если я выстрелю, я стану таким же, как те, кто причинил мне боль. Если я не выстрелю, останусь жить с этой незаживающей раной, с этим грузом прошлого.

Я опустил оружие.

– Ты ошиблась, Элли, – сказал я, и в моем голосе не было уже ни гнева, ни боли, только бесконечная пустота.

ЭЛЛИ.

– Я ненавижу тебя Элли! Всей душой я тебя ненавижу. Лучше бы ты никогда не встречалась на моем пути, – прошипел Арсений, впиваясь взглядом в моё лицо, словно желая испепелить. Слова были ядом, отравляющим и без того

натянутую атмосферу. В комнате повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь его тяжелым дыханием.

Я стояла неподвижно, словно каменная статуя. Мои глаза, обычно наполненные жизнью и смехом, сейчас были полны боли и разочарования. Я не ожидала услышать этих слов от человека, которого любила больше всего на свете. Предательство обжигало горче самой горькой полыни.

Его ненависть была осязаема, она словно вибрировала в воздухе, проникая под кожу, окутывая леденящим холодом. Я не смела поднять на него глаза, чувствуя, как каждая клеточка моего тела дрожит под напором его ярости. Арсений, мой Арсений, стоял передо мной с пистолетом в руке, окутанный тьмой, которую, как я теперь понимала, сама ему и подарила. Моя душа кричала от боли, от осознания того, насколько глубоко я его ранила, как сильно разрушила то, что когда-то было нашим.

«Ты ошиблась, Элли», – его слова, сказанные без тени прежних чувств, были как удар молота, который окончательно разбил хрупкое стекло моих надежд. Пустота в его голосе оказалась страшнее любого крика, любой угрозы. Это было признание моей полной и окончательной потери. Я смотрела на него, пытаясь удержать себя от слез, от мольбы, от всего, что могло бы ещё сильнее его оттолкнуть. Но внутри меня всё рушилось, оставляя лишь пепел и прах.

Я сделала шаг к нему, не в силах вынести эту пропасть между нами.

– Арсений... Я... – слова застряли в горле. Что я могла сказать? Как объяснить то, что сама не до конца понимала? Как объяснить, что мой уход был попыткой спасти нас обоих, а не предательством? Как сказать, что все эти годы я жила его болью, его отсутствием, своим собственным призрачным существованием?

Он отшатнулся, словно я была чумной, и его рука с пистолетом вновь нацелилась на меня, но уже без той прежней решимости. В его глазах я видела сомнение, мучительную борьбу, и это давало мне крохотный, но драгоценный проблеск надежды. Возможно, не всё потеряно. Возможно, ещё есть шанс достучаться до того Арсения, которого я когда-то знала, того, кто был способен любить.

– Я не хотела причинить тебе боль, – прошептала я, и в этот раз мой голос был услышан. Он не опустил пистолет, но и не нажал на курок. Он просто смотрел на меня, и в его взгляде я видела отражение своей собственной трагедии, общую картину наших разрушенных жизней, написанную чернилами боли и утраты.

– Ты говоришь, что не хотела? – его голос был сухим, лишенным всяких эмоций, словно запылившийся металл. – А как ты думала, что произойдет, когда ты исчезнешь? Думала, я забуду? Думала, твоя ложь растает, как снег весной? Ты оставила меня один на один с теми, кто считал меня игрушкой, с теми, кто наслаждался моей слабостью. Ты знала, на что способны эти люди, Элли. Ты знала, что они сделают.

Он усмехнулся, горько.

– А ты... ты просто ушла. Нашла себе новую жизнь, оставив позади обломки моей. А теперь вернулась, чтобы увидеть, что осталось? Чтобы убедиться, что я все еще здесь, все еще сломлен? Ты хочешь что-то сказать? Что-то, что может искупить три года молчания, три года ада?

Я молчала, не в силах найти слова. Его боль была слишком велика, его раны слишком глубоки. Я знала, что мое оправдание – лишь жалкая попытка прикрыть рану, которая уже давно превратилась в незаживающую тропу. Но я не могла просто стоять и слушать, как он уничтожает себя, уничтожает нас.

– Ты обвиняешь меня в том, чего не было! – крик вырвался из меня, наполненный отчаянием и обидой. – Ты оставил меня, Арсений! Ты ушел, не сказав ни слова, наслаждаясь своим эгоизмом! А я... я боролась за свою жизнь, за своё спасение! Я выживала, понимаешь? Я не искала новую жизнь, я просто хотела остаться жить!

Арсений замер, его глаза сузились, словно он пытался разглядеть во мне правду сквозь пелену лжи. Пистолет в его руке дрогнул, но не опустился.

– Ты обвиняешь меня? – прорычал он, и в голосе сквозила ярость, смешанная с неверием. – Я уезжал на пару часов! А ты... ты исчезла в пламени, оставив меня думать, что ты мертва. Три года я жил с твоей смертью в сердце, Элли. Три года я мстил за тебя, ломая себя в процессе. А ты выжила и

просто... забыла обо мне?

Я покачала головой, слезы наконец прорвались, катясь по щекам горячими дорожками.

– Забыла? Каждый день я просыпалась с твоим именем на губах! Я люблю тебя. Всегда любила. – Выдохнула я сквозь зубы.

Он рассмеялся – коротко, безрадостно, и этот звук разорвал тишину, как выстрел. Пистолет медленно опустился, но ненависть в его глазах не угасла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.